

Эмиграция

Жесты словно из жести, грация
манекена и мимо взгляд:
мисс железная Эмиграция –
ты не женщина, ты солдат.

Это ты поначалу умница-
чаровница, зато потом
как забросишь плутать по улицам
в равнодушный людской поток!

Лица как на засовах – ключик всё
не отыщется. Есть ли он?
Как мы долго, как трудно учимся
в незнакомый вживаться сон,

именуемый кратко Западом:
в речь невнятную за окном,
в мир, который нам ни по запахам,
ни по замыслам не знаком;

где так редко и немощно снег идёт,
будто светлых лишился сил,
в мир, где фразу по-русски нехотя
произносит с акцентом сын;

где края совмешаем, тужимся –
швы расходятся каждый миг.
Короля, что был голым, ужасы –
«эмиграмма» на нас самих.

Счастья жалкая имитация.
Тонких струн бытия распад.
Мисс жестокая Эмиграция –
мягко стелешь, да жёстко спать.

* * *

Есть что-то безнадёжное в раю
для тех, кто до конца ещё не умер.
В чужом раю, как и в чужом краю,
под каждой розой – ностальгии зуммер.

Трава не та, листва совсем не та,
не те дожди, не так цветут каштаны.
Зима не та – сплошная маэта.
На санках нас не так отцы катали.

Не те дома, соседский дух не тот,
и праздники не те – застолья, песни.
Не те друзья, не тот уже полёт
в расчерченном на клетки поднебесье.

Не те моря, не тот воды глоток,
не та победоносность на престоле.
И жизнь сама – опрятный закуток,
а не просторы, Боже, не просторы.

Язык не тот – в нём не найти следов,
ведущих за незримые пределы.
И слово сокровенное «любовь»
звучит не так, как сердце бы хотело.

Моим друзьям

Когда речи чужой безнадёжно прорехи латаю,
когда сердце хандрит и тянуть уже больше нельзя,
я сажусь в самолёт «Копенгаген–Москва» и взлетаю
на свой горний Олимп, где меня ожидают друзья.

С каждым годом прочней наших судеб незримая склейка.
С каждой встречей ценней общей памяти собранный клад.
Кто я, право, без вас – неумёха, чудачка, калека
в виртуальном раю, где царит перевёрнутый ад.

Вам в глаза посмотрю – и любовь моя в них отразится.
Наша юность пошлёт к нам с хорошею вестью гонца:
пусть нам время-гримёр размалюет безжалостно лица,
но душа-режиссёр остаётся собой до конца.

Отыграем много пьес – и весёлых, и грустных.
Замок Гамлета пуст, и извечный вопрос разрешён:
я спешу к вам, друзья, чтобы – БЫТЬ, надышавшись по-русски,
пока нам на Олимп беспрепятственно вход разрешён.

* * *

От нежной Герды к Снежной Королеве
прошла я путь от Родины вдали.
Иллюзий расписные каравеллы
так быстро оказались на мели.

И намели сугроб на сердце буквы
колючего чужого языка.
Никак мне не сошьёт закройщик будней
обещанное счастье на заказ.

Как ни примерю – жмёт оно и давит,
а повзрослевший Кай за годом год
из льдинок слово «вечность» составляет
и Герду в соучастницы берёт.

А я сложить мечтаю слово «нежность»
из яблоневых лёгких лепестков –
но стала Герда Королевой Снежной
и поняла давно: итог таков

всех сказок, напросившихся в реальность –
холодных несуразностей ушат.
Так, в рай чужой непрошено врываясь, –
не обретает благодать душа.

* * *

Метели русской письмена
на датский не переводимы.
И кажется, что нет меня
на свете, где сердца, как зимы –

где жизнь расходится по шву,
как тот кафтан нелепый Тришкин.
Всё, что любила, чем живу –
уже обманывало трижды.

И Андерсена мастерство
не помогло печальной Герде
постичь комедий естество
в исконном облике трагедий.

Чужой зимы старинный хлад
судьбы меняет изначальность.
И жизнь, что вся ни в склад ни в лад,
чем совершенней – тем печальней.

* * *

Живи сто лет – в одну слепую небыль
собыются дни, в один бесцветный ком,
когда уже под вылинявшим небом
не думаем, не плачем ни о ком.

Вот так и я живу – смиренно, чинно,
примолкнув, затупившись, заржавев,
как выброшенный ножик перочинный
в канаву возле высохших дерев.

А было время – раня и тревожа,
в плоть бытия врезалась горячо,
и сок стекал берёзовый по коже –
и капли поцелуев жгли плечо.

Как лепеты любви на междометья
разлуки поменялись – не гадай,
Я и сама едва смогла заметить,
как нёкогда вернулось в никогда.

* * *

Оставьте сегодня меня одну,
Пускай я даже иду ко дну.
Быть может, это такое дно,
где только мне побывать дано,
где безымянный порог лежит:
не смерть ещё и уже не жизнь.
И так легко возвратить назад
клубочки шерсти цветной – вязать
узоры спутанных дней невмочь.
И день уже не светлей, чем ночь.
Вязанки слов – вот и всё, что есть.
Их, слава богу, пока не счасть.
И, значит, маленький костерок,
вздымааясь, светом зальёт порог,
где продолжает в глаза смотреть
ещё не жизнь, но уже не смерть.

* * *

Детства ларец тяжел – что мне делать с ним?
Поздно колпак Пьера серебром латать.
Даже драчун-Арлекин загрустил и сник.
Птичье перо разучилось давно летать.

Только стекляшки цветные ещё хранят
летопись кладов дворовых и пар земли.
И паруса расправляет легко фрегат,
но остается по-прежнему на мели.

Что же с богатством делать теперь моим,
кладом смешным, старомодным моим ларцом
в мире, где детство растаяло, словно дым,
маска срослась навеки с живым лицом?

Эти сокровища детства кому отдать?
Будет в морях фантазий ещё пловец?
Будет ещё кому-то светло от дат
в календаре настольном за прошлый век?

Сыну такое наследство, увы, не впрок.
В новой стране игрушки совсем не те.
Значит, моим придётся дожить свой срок
на чердаке в забвенье и темноте.

А когда я из детской сама уйду,
я бы хотела последний найти приют
там, где на ёлке зимней зажгут звезду,
и паруса свою алую песнь споют.

* * *

Так отшлифована, что любо
взглянуть – ни бунтов, ни страстей.
Так отшлифована, что глупо
жить в прежнем вихре скоростей.

Стою остановленным вулканом –
покорная календарю.
И ни минуты не лукавлю,
когда судьбу благодарю

за тихое течение будней,
за их простые падежи.
Уже любовью безрассудной
не распалить моей души.

Так отшлифована, что вечный
не нарушаю ход вещей.
Иду судьбе своей навстречу:
прошу не воли, а вожжей.

И опровергнут, и отвергнут
путь наваждений, тайн и смут.
Так отшлифована, что, верно,
есть элемент искусства тут.

И, может, становиться старше –
вознагражденье бытия?
Так отшлифована, что страшно:
на самом деле это я?

* * *

Приготовиться к смерти, как сушат грибы к зиме:
пожелтевшие письма – гербарий увядших дней –
разложить на столе, помолчать, посчитать в уме,
сколько раз умирал от любви – от игры теней.

Три любимые книги опять перечесть в слезах,
проходить целый день в халате и быт презреть.
И подумать о том, как же жалко с саней слезать,
на которых пригрелся и даже сумел прозреть:

только это движенье и было всего милей –
в никуда ниоткуда под лёгкий полозьев скрип.
Как невольный всхлип, ощутить белизну полей,
трепетанье ветвей, подо льдом – шевеленье рыб.

Но тряхнуть головой – поубавить игривый пыл
забияки-щенка, что заметно к весне подрос.
Приготовиться к смерти, смахнуть с антресолей пыль,
и тогда уже жить начинать, наконец, всерьёз.

* * *

Если хочешь – взлетай: буду небом.
И водою я буду, и хлебом.

В безрассудстве своём непокорном
если хочешь расти – буду корнем.

За удачей отправишься следом –
буду верным твоим амулетом.

Если всё, что имел, проиграешь –
соторю из соломинок рай наш.

Всё бесцельно с тобой и бесценno.
Если хочешь – играй: буду сценой.

Ну а если любовь нас с тобою
вместе вылепит – стану судьбою.

Все твои откровенья и тайны
свято буду хранить, неустанно.

Если хочешь уста – буду телом.
Если хочешь, оставь – буду тенью...